

ОТЗЫВ

о диссертации Александры Леонидовны Полян «Поэтический текст на "спящем" языке в условиях многоязычия (на материале поэзии на иврите III-XIX вв.)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка

Диссертация Александры Леонидовны Полян посвящена выявлению особенностей поэтических текстов, созданных в условиях многоязычия на языке, который вышел из разговорного употребления (автор использует термин «спящий» язык). Непосредственным материалом исследования послужил иврит III-XIX вв.; поэзия на иврите рассматривается как коммуникативно-дискурсивная практика, исследуемая в контексте языковой ситуации в обществе, в котором эта поэзия создавалась. Автору удалось показать взаимозависимость структуры и особенностей языка поэтических текстов на спящем языке, с одной стороны, и типа многоязычия и вообще языковой ситуации в обществе (для поэзии на иврите это в первую очередь статуса еврейского вернакуляра) – с другой. В диссертации не только содержится богатый материал, но и проведен его обстоятельный и корректный научный анализ.

Следует отметить очевидную актуальность темы исследования. В современной лингвистике осознана примитивность и упрощенность дилеммы живые – мертвые языки. Отсюда растущий интерес к созданию новых текстов на языках, которые принято было считать «мертвыми». Сам факт создания новых текстов на «мертвом» языке свидетельствует о том, что он не может считаться «мертвым» в полном смысле слова и возможно возрождение или появление у него новых сфер функционирования.

Проанализированный в работе богатый фактический материал, строгость и корректность анализа свидетельствуют о достоверности результатов исследования.

Сразу можно указать на общетеоретическое значение работы. Чрезвычайно важна в теоретическом плане построенная автором классификация признаков, по которым появляются основания определить язык как «мертвый». На основании этих признаков строится континuum ситуаций, соответствующих переходу от

живого языка к мертвому. При невыполнении условий, задаваемых некоторыми из этих признаков, оказывается невозможno признать язык «мертвым»; для решения возникающих при этом проблем автор предлагает ввести в русский узус термин «спящий язык». Исследование текстов на иврите III-XIX вв. как текстов на спящем языке позволило автору снять трудноразрешимый вопрос касательно функционирования иврита в данный период, а именно – был ли он живым или мертвым языком. Кроме того, автор уточнил понятие диглоссии применительно к языковой ситуации в еврейском обществе рассматриваемого периода времени, когда важным оказывается учитывать не только соотношение иврита и еврейского вернакуляра диаспоры, но и восприятие и статус языка или языков нееврейского окружения, а также «внутреннюю диглоссию» иврита (последняя, впрочем, в той или иной мере характерна для многих литературных языков). Важно в теоретическом плане и предложенное автором переосмысление оппозиции устное vs. письменное на материале спящего языка, применительно к которому автор вводит тернарную оппозицию устное – озвучиваемое – письменное. Разработаны общие принципы и методы описания поэтических текстов на спящем языке.

Проведено разграничение прецедентного (узнаваемого) и эталонного (идеализируемого) текста. Чрезвычайно важен вывод, в соответствии с которым на языковые параметры текстов на спящем языке влияет языковая ситуация в обществе (как уже говорилось, для поэзии на иврите это в первую очередь статус еврейского вернакуляра). Впрочем, ряд конкретных связанных с этим наблюдением нуждается в проверке на материале других «спящих» языков.

Практическое значение работы не подлежит никакому сомнению. Часто в диссертационных исследованиях указывается, что их результаты могут использоваться в практике преподавания, однако необходимость такого использования остается сомнительной. В отношении диссертации А.Л. Полян дело обстоит иначе: ее результаты уже в настоящее время стали неотъемлемой частью некоторых курсов социолингвистики. Кроме того, можно полностью согласиться с автором относительно возможности использования результатов исследования для расшифровки, датировки и комментирования стихотворных текстов на иврите, а разработанная в нем методика может быть применена к текстам на других «спящих» языках. Помимо этого, результаты представляются важными и для истории еврейского народа и еврейской культуры как таковой.

Работу отличает внутреннее единство подхода при внимании к деталям.

Многие результаты получены впервые, и это свидетельствует о новизне исследования. Некоторые из достижений автора поначалу кажутся не столь новыми, но это обусловлено тем, что, как уже говорилось, выводы автора уже известны специалистам и вошли в практику преподавания. Важно, что эти выводы получены самостоятельно.

Сильной стороной работы является то, что в ней здравый смысл сочетается с умением в необходимых случаях принимать смелые и подчас нетривиальные решения, теоретическая основательность – с богатым материалом, подвергнутым анализу.

В качестве перспектив, которые открывает предложенный подход, можно назвать распространение его на другие спящие языки и создаваемые на них произведения.

Нельзя не отметить и весьма грамотное оформление работы. В рецензии на брошюру С.Я. Диминского «Евреи, их вероучение и нравоучение» Владимир Соловьев писал: «Когда приводится документ, написанный на чужом языке, то все старания должны ограничиваться тем, чтобы его безошибочно списать и затем приложить (для читателей "непосвященных") точный, по возможности, буквальный перевод. А затем, если иметь в виду и таких ультра-непосвященных читателей, которые не могут понять документа ни на чужом, ни на своем языке, то ничто не препятствует к точному переводу приложить для *таких* читателей особые толкования и разъяснения. Но наш автор *всегда* (а не иногда только, как он уверяет) ограничивается только этой третьей, дополнительной задачей». В противоположность этому А.Л. Полян весьма корректно подает материал, приводя текст оригинала, его транскрипцию (Владимир Соловьев ее не упоминал, но для целей работы, таких, напр., как исследование звуковой организации стиха, в частности метрики, она необходима) и перевод. В лингвистической работе могли бы быть полезны и глоссы, которые помогли бы ориентироваться «непосвященным» читателям. Впрочем, в большинстве случаев рассуждения автора понятны и без глосс, а когда речь идет о грамматических характеристиках текста, глоссы приводятся (напр., на стр. 195, 197-200 и др.). Однако здесь возможна небольшая техническая придирка. В автореферате переводы даются в сносках, а сноски в некоторых случаях сделаны к оригинальному тексту, а в

некоторых – к его транскрипции. Какой-либо закономерности в выборе того или иного способа оформления мне обнаружить не удалось.

Нет никакой необходимости описывать структуру и пересказывать содержание работы: и то, и другое с достаточной полнотой и ясностью изложено в автореферате. В частности, я не буду касаться чрезвычайно интересных выводов автора относительно метрики поэзии на иврите и взаимоотношения спящего языка и приспособляемой к нему метрической системы.

Вместе с тем в работе имеется ряд спорных моментов, которые провоцируют дискуссию и тем самым способствуют получению нового знания или, по крайней мере, прояснению сути дела. Это можно считать еще одним достоинством работы.

Основная часть сомнений связана как раз с тем, что является важным достижением работы: теоретической разработкой понятия «спящий язык» и возможностью использовать концепцию автора при анализе текстов на других спящих языках. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что среди бесспорно мертвых языков, на которых невозможно ни порождение новых текстов, ни рецитация уже имеющихся письменных текстов, автор упоминает древнегреческий (стр. 21). Это сразу же ставит вопрос о хронологических границах «мертвого» языка, тем более что автор называет ивритом и библейский иврит, и иврит III-XIX вв., и современный иврит (отдельно останавливаясь на вопросе, разные ли это языки или разные изводы одного языка и отчасти снимая этот вопрос). Здесь следует иметь в виду, что к древнегреческому обычно относят и греческий эллинистического периода – язык Септуагинты и Нового Завета, т. е. язык, активно используемый в современном богослужении, хотя и с современным произношением. Кстати, на последующих страницах автор упоминает грекоязычные евангельские тексты (стр. 47). Остается не вполне ясным, попал ли древнегреческий язык в число языков, на которых не создаются и не читаются письменные тексты, по недосмотру, считает ли автор «древнегреческим» только классический греческий или объяснение состоит в чем-то ином.

С социолингвистической точки зрения, типологически к ивриту III-XIX вв. в чем-то близок современный церковнославянский язык в России (но в чем-то от него весьма далек). Если попытаться оценить статус современного церковнославянского языка, используя признаки, предложенные в работе, то

можно видеть, сколь разнообразной может быть языковая ситуация, связанная с функционированием «спящего» языка (если этот термин применим к церковнославянскому). Имело ли место в отношении церковнославянского «прекращение» передачи языка от родителей к детям, вопрос спорный. Возможна точка зрения, с которой такой передачи никогда и не было, так как с самого начала церковнославянский язык был искусственным образованием, созданным на базе южнославянских диалектов для нужд богослужения по образцу греческого. Альтернативная точка зрения состоит в том, чтобы считать древний церковнославянский, или старославянский, язык древнеболгарским, лишь видоизмененным по образцу греческого. Дело осложняется тем, что еще в XIX в. народные массы могли воспринимать церковнославянский язык не как отдельный язык, а как литературный или, скорее, «сакральный» вариант родного языка (что, понятно, обусловлено генетической близостью языков). Создание новых богослужебных текстов на церковнославянском языке никогда не прекращалось и активизировалось в последние два десятилетия в связи с прославлением новомучеников и необходимостью создания им служб. Церковнославянский язык в России никогда не был языком живого бытового общения (если не считать семинаристских шуток), но был не только языком рецитации древних текстов и вновь создаваемых текстов, но и языком обучения чтению (для подавляющего большинства населения). Кроме того, некоторые типы текстов создавались на языке, который представлял собою своеобразное образование, испытывавшее влияние церковнославянского и русского языков, но не сводимое ни к одному из них. Речь идет об основной массе так называемой лубочной литературы. При этом язык некоторых лубочных текстов должен быть отнесен к некоторой разновидности церковнославянского языка (А.А. Плетнева). Из всего сказанного ясно, что метафора «спящего» языка по отношению к церковнославянскому может вводить в заблуждение, поскольку наводит на мысль о возможном возрождении языка в качестве полноценного живого языка. Однако это не снимает ни вопроса о социолингвистическом статусе церковнославянского языка, ни вопроса о границах применимости к создаваемым на нем текстам подхода, предложенного в работе.

Интересно было бы также обсудить вопрос о семантических сдвигах в библейских цитатах, используемых в качестве прецедентных. Проиллюстрирую,

что имеется в виду, на примере использования выражения из псалма в одном из вариантов службы новомученикам на церковнославянском языке.

Церковнославянский текст начала 78 псалма (по нумерации Септуагинты) гласит (стихи 1-2): «Бóже, прíидóша язы́цы въ достоя́ніе твоé, оскверни́ша хráмъ святы́й твóй, положи́ша Иерусали́мъ я́ко овóщное храни́лище». Выражение *овоцное хранилище*, буквально означающее нечто вроде шатра для хранения плодов, употреблено метафорически для указания на предел разрушения и запустения города (синодальный перевод: «Боже! язычники пришли в наследие Твое, осквернили святый храм Твой, Иерусалим превратили в развалины»). Поскольку советская богооборческая власть превращала храмы в овощехранилища в буквальном смысле слова, возникает соблазн использовать библеизм *овоцное хранилище* в новом значении, релевантном для XX в. и для другого климатического пояса. Было бы любопытно, не встречаются ли семантические сдвиги такого рода в поэзии на иврите.

Мелкое техническое замечание. На стр. 198 говорится о «начале 63 псалма», и на следующей странице приводятся цитаты: первый и третий стих. Но легко видеть, что ничего подобного нет ни в 63 псалме по нумерации Септуагинты, ни в 63 псалме по западной нумерации, восходящей к масоретской. Загадка разрешима: на самом деле цитируется 63 глава книги Исаии.

Все высказанные замечания носят, как легко видеть либо дискуссионный, либо чисто технический характер и ориентированы не столько на недостатки работы, сколько на дальнейшие перспективы использования предложенного в ней подхода. Они ни в коей мере не умаляют достоинств диссертационной работы.

Переходя к общей оценке работы могу отметить следующее (отчасти повторяя уже сказанное).

Диссертационное исследование А.Л. Полян «Поэтический текст на "спящем" языке в условиях многоглашечия (на материале поэзии на иврите III-XIX вв.)» является самостоятельным завершенным научным исследованием, имеющим несомненное теоретическое и практическое значение. Оно полностью соответствует всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук (в том числе изложенным в пунктах 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» Правительства России от 24 сентября 2013 № 842), а сам автор, А.Л. Полян,

заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по заявленной специальности 10.02.19 – теория языка. Автореферат и публикации в полной мере отражают как содержание диссертации, так и основные положения, выносимые на защиту.

Заведующий Отделом культуры русской речи
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН
доктор филологических наук, профессор

А.Д. Шмелев

Алексей Дмитриевич Шмелев
Заведующий Отделом культуры русской речи
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН»
E-mail: shmelev.alexei@gmail.com
Москва 125057 Ленинградский проспект, д. 75-А, кв. 60
Сайт Института русского языка: <http://www.ruslang.ru>

